

А. В. Костина

Московский гуманитарный университет
111395, Российская федерация, Москва, улица Юности, 5

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЕЕ АТТРИБУТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ

Статья посвящена наиболее характерным особенностям традиционной культуры, находящим отражение в фольклорной традиции. Показано, что традиционная культура является исторически наиболее консервативной, так как на раннем этапе развития освоение мира было чрезвычайно медленным. Новые достижения нуждались не в отрицании посредством очередных новаций, а в закреплении и передаче последующим поколениям. Предел допустимых инноваций становился предметом постоянного внимания коллектива, так как чрезмерное их внедрение могло подорвать и социальную систему, и систему существующих знаний. Тип культуры, который воспроизводится традицией, был в большей степени родовым, нежели индивидуальным, и само культурное развитие здесь выступало как настроенное на воспроизводство тех наиболее оптимальных социальных, хозяйственных, правовых, художественных образцов, которые прошли апробацию опытом и временем. Стремление удержать в неизменности эти формы приводило к формированию новизны в чрезвычайно медленном темпе, что воспринималось, как неизменность. Функциональная заданность традиционной культуры состоит в том, что она, прежде всего, сохраняет и воспроизводит прошлый опыт. Все эти особенности присущи фольклору — как художественной составляющей традиционной культуры.

Ключевые слова: традиционная культура, фольклор, коллективность авторства, вариативность, формульность, нормативность

DOI: 10.36871/hon.202204152

Статья поступила в редакцию: 14 сентября 2022 года

Рекомендована в печать: 26 сентября 2022 года

Сведения об авторе:

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной, воспитательной и международной деятельности

akostina@mosgu.ru

ORCID: 0000-0002-7216-4157

ВВЕДЕНИЕ

Если говорить о специфических особенностях песенного и литературного фольклора как одной из форм традиционной художественной культуры, то он выполняет функцию ее

специфического языка, отличающегося от других ее подсистем, прежде всего, своим художественным содержанием, а также и самой семиотической системой, при помощи которой осуществляется передача информации. [25, 8–9]. Поскольку фольклор является

частью традиционной художественной культуры, было бы естественным предположить, что для него категория художественности выступает в качестве ведущей. Однако сказать только так — значит сузить содержание фольклора до его способности отражать реальность в границах искусства.

Фольклор как тип культуры, сформировавшийся в условиях доиндустриального общества, обладает такими имманентными ему качествами, как традиционность, коллективность авторства, устность функционирования, вариативность, формульность, типизированность и способность осуществлять нормативное регулирование в традиционном обществе. Эти свойства фольклора рассматриваются большинством исследователей в качестве его основных и сущностных характеристик, позволяющих определять и сопоставлять его с иными формами культуры, в том числе, популярной, элитарной и др. Наличие или отсутствие названных признаков является основанием для определения близости, родства или принципиальной разницы культур. Этот факт обусловил обращение к данным свойствам фольклора исследователей, стремящихся доказать не только актуальность современных явлений, связанных с фольклорной традицией, но также сам факт их органичной вписанности в традицию и укорененности в ней даже при отсутствии или неявной выраженности перечисленных признаков и свойств.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционность в фольклоре проявляется как в способах построения текста, манере звукоизвлечения, в ориентации на устойчивую образность и метафорику, в опоре на интонационный строй, так и в специфическом складе мышления, ментальности, картине мира, особой стратегии жизни и взгляде на историю. Поэтому традиция проявляется не столько в сохранении текстов и их составляющих — образов, символов, формул, созданных в прошлом, сколько в знании или, точнее, приобщенности к поэтическому языку, к глубинной семантике, заключенной в подтексте, к устойчивой системе функциональных правил, по которым эти тексты создаются и живут. Но следует оговорить, что традиционность означает не стагнацию, а развитие, изменение, формирование нового на основе традиции, в рамках традиции, продолжение традиции через ее отрицание [18, 54–55]. Подобный методологический подход был представлен работами таких классиков отече-

ственной фольклористики, как Б. Н. Путилов, И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, Н. Ф. Сумцов, В. Ф. Миллер, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, К. В. Чистов и многие другие.

Одним из атрибутивных свойств фольклора эти ученые считали его традиционность. Сказанное вовсе не означает, что фольклор и традиционная культура не могут быть определены через творческую деятельность. Само приспособление к устоявшимся требованиям и усвоение их, использование этого опыта в постоянно изменяющихся жизненных ситуациях требовало определенного анализа конкретной обстановки и основывающегося на этом анализе поведения, что само по себе являлось творчеством. Кроме того, при примитивном уровне знаний и материально-технического производства точное воспроизведение фольклорных образцов требовало колоссального искусства и представляло громадную трудность, а потому не может быть рассмотрено — по аналогии с современным искусством — просто как стереотипная деятельность [7, 132].

В значительной степени традиционализм этого типа культуры обусловлен цикличностью всех жизненных процессов человека на ранних стадиях общественного развития. Именно цикличность задавала и задает такие качества традиционной культуры, как стабильность, неизменность, инертность, которые и являются гарантом выживания коллектива — и архаических общностей, и этносов, и современных субкультурных образований, сформированных по типу квазиэтнических сообществ [8, 159]. В качестве критериев традиционности, нормативности действий выступают их прецедентность, воспроизводимость, многократная повторяемость. И в этом смысле и архаический человек, и человек современный, руководствующийся стратегиями этнической культуры и демонстрирующий преимущественно черты коллективной личности, никогда не делает то, что «не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком», а его жизнь выступает как «непрерывное повторение действий, открытых другими» [26, 33], где «каждый герой повторял архетипическое действие, каждая война возобновляла борьбу между добром и злом, каждая новая социальная несправедливость отождествлялась со страданиями спасителя» [там же, 135]. То есть приобщение индивида к надличной системе культуры выступа-

ло как усвоение, как интернационализация заданной суммы императивных требований, а сама структура традиционного сознания в принципе исключала «индивидуальное новшество» [15], расценивая его как нарушение сложившейся системы отношений.

Развитие традиции — противоречивый, разновекторный и сложный процесс. Он всегда сопряжен с отбором того, что сохранять и использовать, а от чего следует отказаться. Под влиянием мощных социальных факторов, начиная со второй половины XIX века, фольклор претерпевает весьма значительную трансформацию. Отдельные черты теряют свой первоначальный смысл и формы проявления, изменяется и совокупность черт, которые считались традиционными. Это происходит, в частности, по той причине, что фольклор, становясь фактом бытия новых общественных групп и развиваясь в новых социальных условиях, вынужден «приспосабливаться», менять свой облик. Причем это творчество нередко представало в новом обличье, не позволяющем, на первый взгляд, определять его как фольклорное. Тем не менее связи с традицией, например, сегодня явно прослеживаются даже в столь далеком от «классической» традиционной культуры творчестве, как фольклор системных администраторов, сетевой анекдот, фольклор различных малых сообществ, подобных спелеологам, парашютистам, солдатам срочной службы, сотрудникам крупных корпораций.

В аграрную эпоху понимание традиционности было определено характеристиками того общества, в границах которого изначально формировался фольклор. Одно из важнейших условий классического понимания традиционности является вписанность фольклора в циклическое время, что приводит к доминированию заданных, повторяющихся представлений, стремлению к максимально точному их самовоспроизводству. Жесткая цикличность и консервативность жизненных процессов определялась соотносительностью жизни общинного человека с природными ритмами, его страхом перед непознанными стихиями природы. Здесь апробированные образцы выступали как более надежные, чем инновационные. При этом «традиционность» обеспечивала прогресс общества внутри заданных циклов бытия, его адаптацию к условиям бытования, сохранение известной информации и коллективных знаний. В конечном счете, это явилось формой борьбы с регрессом, с откатом чело-

века в дикость. Ограничение нововведений в данном случае обусловлено стремлением сохранить существующий идеал прогресса и не допустить деградации общественной системы» [11, 81–98]. Механизмом же введения новаций являлись, в основном, осуждение и критика. Именно поэтому человеку традиционной культуры имманентен определенный консерватизм, тяга к понятному, известному, устойчивому, которая выступает, однако, не как его отрицательные качества, а как свойства, рожденные потребностями до-письменного, традиционного общества.

Традиционная матрица, настроенная на воспроизведение опыта и знания, не была единственно возможной моделью культуры доиндустриального общества. В этом и заключается парадокс сочетания «трудно сочетаемого» — традиции и новаций, заданности и непредсказуемости, существующего и вновь открытого и т. д. Любая самая устойчивая и стабильная система не могла бы развиваться, обеспечивать едва различимый прогресс без введения в оборот новой или обновляющейся информации, опыта, знаний, наблюдений. Могущество традиционной культуры в том и заключалось (заключается и до сих пор), что она прогрессивна. Но прогрессивна по-своему, по-особенному, развиваясь во времени и пространстве, она направляет движение человечества к идеалу, сохраняя уникальную способность осуществлять все это без смен вектора, движения, резкого переструктурирования целей и задач, ломки прежних стереотипов. Все это будет присуще культурам более позднего — нового и новейшего времени — массовой, элитарной — и будет связано со сменой стилей, направлений, школ, концепций и т. д. Эти приметы коснутся и традиционной культуры, но специфически и в значительно усеченном виде.

Иными словами, абсолютизация процессов сохранения, стремления к точному воспроизводству, консервации способов взаимодействия человека с человеком и миром природы не является верной. Каждое открытие человека традиционной культуры — начиная со способов ведения хозяйства и знаний законов природы и завершая знаниями о космическом мироустроении и законов «правильного» поведения человека в соответствии с ними — было инновативным. Более того, сегодня трудно переоценить такие открытия человека, как колесо, плуг, парус, письменность, различные системы счисления, самыми универсальными из которых оказались десятичная, рожден-

ная культурой Египта, и шестеричная, активно функционирующая в границах шумерской цивилизации. Подобные инновации по степени новизны, возможно, превосходят иные современные открытия — даже такие, как изобретение радио, телевидения, интернета и т. п., ибо первые делались в жестких рамках традиционности. Оценивая наиболее ранние типы общества как традиционные, фольклористы-этнографы имеют в виду не отсутствие инноваций, а ценность открытого ранее, особая ориентация на воспроизводство, которая в условиях отсутствия знаковой фиксации была условием и самым надежным способом сохранения арсенала традиционных знаний, опыта и иной информации.

Именно в силу своего сложного содержания такое качество культуры, как традиционность, исследователями-фольклористами зачастую понимается как неизменность, где более стабильное рассматривается и как более традиционное, а значит — народное. Но можно говорить и о трансформациях фольклора, которые четко прослеживаются в трансформациях его жанрового состава. Подобная изменчивость традиционной культуры, нашедшая отражение даже в таких изданиях, как учебные пособия, которые включают идеи уже прошедшие научную апробацию и проверенные временем, свидетельствует о развитии народной традиции, позволяющей постоянно включать в арсенал «традиционного» все новые и новые явления, не противоречащие предыдущим, но органично их развивающие.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ПРОЯВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ: УСТНОСТЬ, ВАРИАТИВНОСТЬ, НОРМАТИВНОСТЬ

Категория «устность» (в американском варианте — «oral», «orality») относится к числу сущностных свойств фольклора. Ей исследователи уделяют особое внимание, закладывая ее в фундамент самого определения фольклора как устного народного поэтического творчества. Естественно, наиболее ранние формы фольклора носили устный характер. Найденные сегодня изделия бытового, трудового назначения, простейшие художественные инструменты дают также основания говорить о достаточно развитых формах устного художественного творчества в дохристианской Руси. Эти ранние формы фольклора явились предтечей более поздних и развитых его жанров,

носящих тот же устный характер, предполагающий бытование фольклора в формах непосредственной, живой коммуникации. Однако сфера бытования фольклора, вплоть до зарождения профессионального искусства, в России была значительно шире, чем собственно сфера крестьянской жизни. Об этом верно говорит Ю. В. Келдыш: «Фольклор восполнял тот вакуум, который создавался отсутствием письменных форм светского музыкального творчества. Народная песня, искусство народных «игрецов» — исполнителей на музыкальных инструментах были распространены не только среди трудящихся низов, но и в высших слоях общества, вплоть до княжеского двора» [8, 38]. Эта линия в развитии фольклора представляет большой интерес для понимания первичных форм фольклоризма на разных его этапах. Она определила понимание фольклора как творчества, принципиально противостоящего письменной культуре.

Еще одним существенным признаком фольклора является **вариативность**, комплементарность, множественность версий, отсутствие устойчивых «образцовых» вариантов, фреймов, «переходных мест», эстетическое, смысловое и аксиологическое равноправие версий, отсутствие оригинала и его воспроизводящих реплик и т. д. Иногда эти варианты столь сильно отличаются один от другого, что в поздних версиях трудно распознать более ранние образцы. Так, В. П. Аникин, обращаясь к этой проблеме [2, 224–240], приводит в пример песню о гибели танкиста, получившую распространение в годы войны:

*На поле танки грохотали,
Танкисты шли в последний бой,
А молодого лейтенанта
Несли с разбитой головой* [3, 268].

Автор показал, что по стилиевой структуре в ней легко опознать песню о коногоне, которая пелась на тот же мотив:

*Через минуту над вагоном
Уже стоял народ толпой,
А коногона к шахтной клетки
Несли с разбитой головой* [там же].

В антологии «Русский советский фольклор» песня предстала в сильно олитературенном виде:

*Встает зоря на небосклоне,
За ней встает наш батальон...* [20, 121].

Одной из специфических особенностей фольклора как подсистемы народной традиционной культуры является также такое его качество, как **нормативность** — способность к регуляции тех общественных отношений, которые составляют социальную основу культуры. Кстати, среди многочисленных трактовок традиционной культуры и фольклора сегодня наибольшей популярностью пользуется именно социокультурная. Она позволяет анализировать этот тип культуры во всем многообразии его социальных элементов. Актуальность рассмотрения фольклора в нормативном ракурсе определяется тем, что социальные и эстетические нормативы, которые сформировались в границах русской традиционной культуры, продолжают активно функционировать и в современном культурном пространстве. Важно подчеркнуть, что этим Россия принципиально отличается от стран Запада.

Когда ученые пытаются определить причины широкого распространения в современной российской культуре нормативов, задаваемых традицией, они, как правило, обращаются к историческим обстоятельствам. Называют огромные просторы России, где осуществлять надзор за соблюдением законов всегда было делом затруднительным, и в условиях незначительного влияния законов существенно повышалась роль нормативов, заданных традицией. Но дело, думается, не в этом. Ведь уже в XI веке это различие четко осознавалось книжниками и фиксировалось в трактатах и летописях. Академик А. М. Панченко открыл рукопись XI века «Проглас», написанную как раз одним из основателей русской словесности Кириллом. И здесь четко излагается мысль о том, что на Руси крестьяне «спасаются благодатью», а не «живут законом». Закон и Благодать — эти категории определяют и содержание произведения Митрополита Иллариона. То есть, с одной стороны, Закон западного общества как наследие Римской империи, основанной, прежде всего, на правовых отношениях, а с другой стороны — Благодать как особая этическая установка, опирающаяся как на религиозные установления, так и на мощную традицию. Например, русский человек до сих пор в оценке своих действий обращается не только к закону, но и к совести, руководствуясь императивом «поступай с другим так же, как хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе», а для западного человека мерилом правильности его поведения стано-

вится закон с его установкой «что не запрещено, то разрешено».

Если это понять, станет очевидным, почему глобализация вызывает мощное сопротивление не западных стран. Это связано, в частности, с тем, что ценности западного мира, основанные на законе — и среди них такие, как либерализм и демократия — вступают в противоречие с традиционными нормативами не только российской, но также исламской, буддистской, наконец, конфуцианской цивилизации, которые до сих пор свято почитают традиционные нормы. Закономерно, что в этих странах жив фольклор — и не только современный, но и традиционный, который, как точно отмечает Б. Н. Путилов, раскрывает проблему поддержания и нарушения незыблемых установлений жизни, где перед героем все время стоит выбор, связанный либо со следованием традиции, либо с ее нарушением [18, 140].

Если говорить о роли нормативов в развитии культуры [16; 23; 24], то нужно подчеркнуть, что культура существует как второй мир, который человек создает для себя и который существует наряду с миром природы. Мир природы обладает собственными законами естественного развития, которые обусловлены целесообразностью гармонии между всеми живыми организмами, развивающимися в тесной взаимной обусловленности. В мире человека — в культуре — также постоянно вырабатываются и обновляются механизмы защиты этого организма. Одним из таких механизмов стали социальные нормы, воплощенные в фольклорных формах. Важные социальные функции до сих пор выполняют многие традиционные обряды, воплощающие целый комплекс социальных функций.

Фольклор становится регулятором социальных отношений, аргументируя и представляя в художественной форме имя (то есть, статус) человека: подростка будут называть Семкой, юношу — Семеном, жениха — Семеном Ивановичем, старшего мужчину в доме — Иванычем, аналогично — девочку — Машкой, девушку — Марьей, невесту — Марьей Ивановной, молодку — по имени мужа Марьей Семеновой, «большуху» — Семенихой. Сакральность имени породила целую череду пословиц, поговорок, присловий, загадок, языковых клише, связанных с практикой наименования, где желание узнать имя, сопровождаемое нарушениями традиционного ритуала, рождает уход от коммуникации: «Как зовут, так

и обзывают», «Как вчера меня звали, так и сегодня зовут», «Зовут зовуткой, а величают уткой» [16, 173].

Можно представить, что влияние запретов и табу ярче проявляется в обществе, чем влияние предписаний и прескрипций, однако это не так. Если обратиться к такой социально значимой сфере, как общение, то можно отметить, что прескрипции существуют здесь как правила взаимоотношений, как предписания по осуществлению коммуникативного процесса. Причем эти правила обладают ярко выраженной спецификой в границах различных культур. Сегодня в науке различаются «прескрипции, которые носят предписывающий характер (что и как надо делать в общении), запретительные прескрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие (объяснительные) прескрипции (как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия)» [22, 87–94].

Специфика отечественной культуры — как и всех иных культурных миров — определяется тем, что она соотносится с господствующими ценностными представлениями. В англоязычном западном мире коммуникативное пространство обозначается через такие категории, как *small talk* (ограниченность в частном общении), *privacy* (приватное частное пространство), *tolerance* (толерантность), *political correctness* (политкорректность). В подобных различиях состоит двойственная природа нормативов — с одной стороны, они являются универсальными, с другой — культурно опосредованными. Универсальность связана с утилитарно-прагматической ролью предписаний и запретов [13, 281]. И здесь можно отметить у разных народов единство норм, в частности, порицание бездетности: в Древней Греции неженатый человек не мог стать оратором, стратегом, не мог быть избранным в народное собрание, в Риме с холостых и вдовых брали налог, на Руси же на родителей неженатых и незамужних юношей и девушек налагался штраф, а на Масленицу достигшие определенного возраста, но не вступившие в брак молодые люди подвергались не только устному порицанию, но и реальному наказанию — им привязывали к ноге колодку, не позволяющую принимать участие во всеобщем празднике.

Специфика же социальных норм связана с их культурной опосредованностью, то есть особой ментальностью, ценностной системой, религиозными представлениями наро-

да, а также социальной необходимостью [18, 157]. И здесь отмечаются принципиальные расхождения у разных народов в трактовке того или иного явления или феномена. С одной стороны, универсальным запретом является запрет на вступление в брак с кровным родственником, особенно близким. Мотив запретного брака между братом и сестрой, например, явственно звучит в славянских балладах и эпических песнях (например, «Козарин»), повсеместно распространены сюжеты о встречах брата и сестры, не узнающих друг друга [17]. С другой же стороны, традиционная культура знает массу примеров на санкции со стороны общества как раз на внутрисемейные браки. Так, на Гавайях, если простолюдин вступал в такой брак, он становился «нечистым».

Для того чтобы оценить, какую роль в жизни общества выполняют нормативы, необходимо понять, какие стороны деятельности позволяют культуре функционировать. Во-первых, это репродуцирование (освоение человеком уже имеющегося фонда ценностей), во-вторых, это творчество (создание нового) и в-третьих, это ответственность (то есть избирательность поведения) [10, 126]. Избирательность поведения и задается нормативами, которые устанавливают главные и второстепенные стороны предмета или явления с точки зрения цели выживания коллектива. О том, насколько значимой для общины была сфера социальных отношений, фиксируемая нормативами, свидетельствует содержание обрядов инициации, существующих до сих пор в примитивных обществах. Как известно, неопитам в процессе инициации сообщались наиболее важные сведения — предписания поведения в общине и вне ее; особенности брачных отношений; запреты и табу на действия, на принятие определенных видов пищи и питья, использование определенных предметов, посещение определенных мест, на произнесение имен живущих или умерших и т. д.

Традиционная художественная культура всегда фиксировала границы допустимых отклонений в поведении в рамках определенной нормы. Эта вариативность поведения, прежде всего, фиксируется в вариантах фольклорных феноменов — так, в широко известной песне про татарский полон есть два различных окончания. В тексте по П. Якушкину мать, которую дочь отпускает с подарками, остается: «Не поеду я / На святую Русь, / Я с тобой, дитя, / Не расстануся!».

В тексте по М. Стаховичу, напротив: «Не хочу я шубу / Соболиную, / Отпусти меня / В свою сторону» [19, 25–26].

Кроме того, нормативы могут выступать как жесткие предписания — это, в частности, нормативы, связанные с обретением клада, где правильное его использование становится условием дальнейшего благополучия для нашедшего его, например, такое: «...сыскав клад, раздать его по церквам, а раздав, выстрелить и сказать: “Вот тебе Степан Тимофеевич сын Разин, вечная память”» [15, 80]. Наконец, нормативы показывают не только вариативность или жесткость поведения, но и демонстрируют сопряженность деятельности индивида с ответственностью за нее через описание возможных последствий («не ежь с ножа — злым станешь»).

Однако было бы неверным полагать, что запреты и предписания предоставляются в форме непосредственного указания на желательность или нежелательность действия. Часто они предстают в опосредованной форме — например, в форме сказки, предназначение которой — через отношения персонажей подчеркнуть жесткость социальных норм. Как правило, «содержание сказки, возникновение в ней конфликтов и их развязывание полностью строится на нарушениях системы, которые влекут за собой жестокое возмездие — именно так родовая группа сурово охраняет свои обычаи» [6, 16–23]. Именно санкции — то есть реакции сообщества на поведение члена общины (одобрение или неодобрение) — являются основным способом формирования социальных нормативов. Здесь, конечно, необходимо учитывать и тот факт, что фольклор не всегда предоставляет санкционированные нормы, часто герои фольклорных произведений совершают действия, в реальности недопустимые, нарушая принятые нормы. В фольклоре нарушаются и языковые нормы, например, в специфическом фольклорном юморе. То есть, по мысли Б. Н. Путилова, фольклор иногда оказывается в противоречии «с реальностью народной жизни» [18, 137], подтверждая этим противоречием незыблемость самих правил и тех устоев, что эти правила обозначают.

Безусловно, запреты в любой культуре маркированы более ярко, чем то, что социально приемлемо. И это тоже понятно, так как запрет задает границы, в которых существует культура. Если член общности соблюдает законы, он находится в границах культуры, если нарушает — он воспринимается

или как не-культурное существо, то есть как часть природы — о таких в народе говорят: «ведет себя, как зверь». Или такой человек воспринимается как ино-культурное существо, чужой. Греки таких определяли как людей «с лицом человека и сердцем зверя», то есть опять возвращали в природу. И в этом смысле предписание носить определенную одежду, есть определенную пищу, придерживаться определенных форм брака — это и есть комплекс предписаний, позволяющих человеку существовать в пространстве культуры. В то же время «фольклор как часть традиционной культуры не только передает, утверждает и укрепляет приемлемые общественные нормы поведения. Но также предоставляет установленную отдушину для избавления от этих норм» [5, 185].

Характерно, что в рамках традиционной культуры и фольклора подобные правила общения заложены изначально, более того, сам фольклор и существует в определенном смысле как система правил общественных отношений. Для знакомств было конкретное время и место — хороводы, ярмарки, гуляния, игры наподобие взятия снежной крепости, вечерки и многое другое. Существовали и определенные социально приемлемые формы знакомства. О них пишет С. Б. Адоньева: «Так и есть в деревне. Испокон веков ведется. Парень сначала решит познакомиться, предложит познакомиться. Она может познакомиться, а может и отказаться. А девушка не будет уж. В деревне девчонки не будут знакомиться первыми с парнями. Хочет познакомиться, терпит, молчит. Постарается где-нибудь поближе оказаться ли. Или, может, подружка там, что вот я бы с ним подружилась или мне нравится. Или через родственника или парня, который ближе с ней знаком, что ты не знаешь, какие намерения у этого товарища, я бы с ним хотела познакомиться или подружить. А так прямо — у нас не принято» [1, 147].

Регламентированы традиционной культурой практически все социально значимые действия — причем, не только знакомство, «гуляние» или «дружба», но и словесное противоборство, и даже такая форма праздничного поведения, как драка: «Так, уж так, уже праздник когда, идут с гармонью, и компания, надо что когда ей уже драку начинать, вот и уже такое вызывающее делается, вот называется “ломка перед дракой”, в общем идут и один и вот так, себя вот так, такое, как разминается — и эти, руки и плечи, всем

этим, корпусом, и потом еще...ну один так разламывается, другой там идет прямо так, прямо колом дорогу, это... и там с частушками, конечно, с матерными, и... Вот это называется “ломка”, на самом деле ее надо смотреть, видеть! Кто крепче ломается — самый заядлый дракун считался этот. И гармошка на развал идет, под хулиганской... по басам на гармошке играют. На одних на басах — на развал называется. Значит, там такое действие было, как все равно что по сценарию, такой произвольный импровизированный сценарий. Один идет там ломается, там идет там с колом, там: “Эх, ты!”... А второй там идет кто-то частушки поет, гармонист только свое дело делал — играл. А [мы] частушки пели. Там уже у них кто как, каждый знал свою роль. В этой компании у каждого своя роль была... Они с такой с поддевкой, чтоб, в общем, задратся, чтоб задеть, такие частушки унижительные в адрес соперника пели. И потом уже начинали те, отвечали... Идут, которче, пляшут, и этот, индоман идет компания, в ширину дороги — от конца, от края дороги до другого края. Посередине гармонист, впереди толпа пляшет, с гармошкой прошли, в общем, сквозь эту толпу, посмотрели и толпа разошлась, и тут человека два-три уже вырубил, лежат уже без сознания на дороге, вот такие случаи были» [1, 150–151]. Обычно драки и потасовки начинались с публичных оскорблений противника в частушечной форме:

Поиграй повеселее
Хулиганского еще,
Мой товарищ хулиганского
Играет хорошо.

Ты, товарищ, не ударишь,
А ударишь — не убьешь,
Если я тебя ударю,
Через пять минут помрешь
[там же, 151].

Таким образом, традиционная культура всегда четко определяла предпочтительные, допустимые и не допустимые формы поведения, позволяющие человеку соблюдать границы дозволенного. Однако в пространстве традиционной культуры с самого начала ее существования были выработаны формы нарушения запретов и преодоления границ этих норм — подобное время было связано с определенной ситуацией праздника, когда выход из этих границ не только не порицал-

ся, а даже предполагался. Флирт, гулянье, красование, драка, не уместные в будничные дни, составляли существо праздничного времени. Этот праздничный агон не выходил из рамок предписанного и регламентированного поведения человека в его взаимоотношениях с природой и обществом.

Важно, что нормативность была характерна не только для традиционной культуры в доиндустриальном обществе, но она пронизывает и современные общественные отношения. Для того чтобы подчеркнуть универсальное значение нормативов как фактора развития культуры, достаточно обратиться к тем предписаниям и запретам, которые, несмотря на развитые законодательные системы, активно функционируют в границах современных различных социальных сообществ, в частности, профессиональных [12, 186]. Причем, как правило, эти нормативы абсолютно не эффективны в иных социальных средах. Так, у писателей есть тайное профессиональное поверье: хочешь жить подольше — никогда не убивай главного героя! Сегодня, точно так же, как и во времена бытования классического и архаического фольклора, в микросредах активно функционируют запреты. Во многих современных профессиональных группах общепринятые табу и предписания отрицаются. При этом на рабочее место переносятся такие знаки, как «Место для курения», «Не курить» с перечеркнутым «не», «Комната отдыха». В качестве запретительных символов используются знаки дорожного движения («СТОП», «Кирпич», «Парковка запрещена»), запретительные и предупредительные знаки техники безопасности разных производств («Опасно для жизни», «Не стой под стрелой», «Посторонним вход воспрещен», «Не влезай — убьет!») [21, 131].

Конечно, самое значительное число запретов и предписаний — в тех сообществах, которые связаны с опасностью — у солдат, служащих в «горячих точках», представителей криминальной среды, у альпинистов, парашютистов. Например, у спелеологов существует запрет: в пещерах нельзя курить, а закрепление этого запрета реализуется через сюжеты быличек, в которых Белый Спелеолог наказывает за его нарушение. Туристам нельзя в конце маршрута выбрасывать соль, но, напротив, необходимо выбросить или сжечь непригодные вещи; нельзя ставить палатку на то место, где раньше жили люди. Запреты и правила могут быть

сформулированы в текстах клятв и заповедях, часто — шуточных: «Горячее сырым не бывает»; «Быстро поднятое упавшим не считается»; «Если тебе тяжело, помоги другому, и тебе станет легче» [21, 106–107].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, фольклор обладает такими качествами, как традиционность, коллективность авторства, устность функционирования и способность осуществлять нормативное регулирование в традиционном обществе. Конечно, в границах современной культуры эти особенности существенно трансформируются. Устность фольклора таких современных субкультур, как сетевые сообщества, в значительной мере, условна, возможность говорить о ней связана

с ориентацией письменного текста на устные формы его подачи. То же самое можно сказать относительно традиционности, которая задается не жестким воспроизведением жанровых и формообразующих схем, а определяется ориентацией на типизацию, прецедентность и формульность. Еще одним важным свойством фольклора является нормативность, которая, однако, не носит жесткого характера, а, скорее, выполняет функцию маркировки пространства каждым из субкультурных сообществ. Вместе с тем активное бытование нормативов свидетельствует о том, что они до сегодняшнего дня являются одной из существенных составляющих культуры любого общества — от архаического до современного, и формирование новых норм есть свидетельство продолжающегося развития традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та; Амфора, 2004. 312 с.
2. *Аникин В. П.* Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) // *Славянская традиционная культура и современный мир: сборник материалов научно-практической конференции.* 1997. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора. С. 224–240. (Вып. 2.)
3. В нашу гавань заходили корабли... : Песни городских дворов и окраин / сост. П. Смирнова, Э. Н. Филина. Пермь : Книга, 1995. 430 с.
4. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература. 1984. 383 с.
5. *Дандис А.* Структурная типология индейских сказок северной Америки // *Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. статей / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неключев.* М. : Наука, 1985. С. 184–193.
6. *Дзенискевич Г. И.* Медведь в фольклоре индейцев Аляски // *Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов.* Л. : Наука, 1984. С. 16–23.
7. *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М. : Наука, 1980. 303 с.
8. История русской музыки: в 10 т. Т. 1 / под ред. Ю. В. Келдыша, О. Е. Левашевой, А. И. Кандинского. М. : Музыка, 1983. 381 с.
9. *Костина А. В.* Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М. : УРСС, 2009. 216 с.
10. *Костина А. В.* Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М. : КД Либроком, 2010. 144 с.
11. *Костина А. В.* Современный язык: «вместилище культуры» или форма социокультурной адаптации? // *Знание. Понимание. Умение.* 2017. № 4. С. 81–98.
12. *Костина А. В., Кожаринова А. Р.* Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в современном обществе. М. : URSS, 2015. 254 с.
13. *Костина А. В., Флиер А. Я.* Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса М. : Согласие, 2011. 468 с.
14. *Котельникова Н. Е.* Нормативы, связанные с обретением клада, в русской фольклорной прозе // *Славянская традиционная культура и современный мир.* М. : 2005. С. 75–81. Вып. 8.
15. *Левада Ю. А.* Сознание и управление в общественных процессах // *Вопросы философии.* 1966. № 5. С. 62–67.
16. *Малиновский Б.* Магия. Наука. Религия; пер. с англ. М. : Рефл-бук, 1998. 288 с.
17. *Путилов Б. Н.* История одной сюжетной загадки (былина о Михаиле Козарине) // *Вопросы фольклора.* Томск : Изд-во Томского ун-та, 1965. С. 9–21.
18. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб. : Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Петерб. Востоковедение, 2003. 457 с.
19. *Римский-Корсаков Н. А.* Сто русских народных песен. Для голоса с ф.-п.: соч. 24 / предисл. и примеч. авт. М. : Музыка, 1977. 224 с.
20. *Русский советский фольклор : антология / сост. и авт. примеч. Л. В. Домановский [и др.].* Л. : Наука. Ленингр. отд., 1967. 190 с.

21. Современный городской фольклор (2003) / под ред. А. Ф. Белоусова [и др.]. М. : 2003, Рос. гос. гуманит. ун-т, Тип. Наука. 731 с.
22. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Ижевск. 2002. С. 87–94. Вып. 4.
23. Тейлор Э. Б. Первобытная культура; пер. с англ. / предисл. и примеч. А. И. Першица. М. : Политиздат, 1989. 572 с.
24. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь : исследование магии и религии; пер. с англ. М. К. Рыклина. М. : Эксмо, 2006. 958 с.
25. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л. : Наука. Ленинградское отд., 1986. 303 с.
26. Элиаде М. Космос и история; пер. с фр. и англ. / общ. ред. И. Р. Григулевича, М. Л. Гаспарова. М. : Прогресс, 1987. 311 с.

A. V. Kostina

Moscow University for the Humanities
5 ul. Yunosti, Moscow, 111395, Russia

TRADITIONAL CULTURE AND REPRODUCTION OF ITS ATTRIBUTIVE FEATURES IN FOLKLORE

Traditional culture is historically the most conservative, since at the early stage of development the mastering of the world was extremely slow. New achievements needed not to be denied through successive innovations, but to be consolidated and passed on to subsequent generations. The limit of permissible innovations became the subject of constant attention of the community, as their excessive implementation could undermine both the social system and the system of existing knowledge. The type of culture reproduced by tradition was more generic than individual, and the cultural development itself was oriented here to the reproduction of the best social, economic, legal and artistic models approved by experience and time. The desire to keep these forms unchanged led to the formation of novelty at an extremely slow pace, which was perceived as immutability. The functional task of traditional culture is, first of all, to preserve and reproduce the past experience. All these features are inherent in folklore as an artistic component of traditional culture.

Keywords: traditional culture, folklore, collective authorship, variability, formularity, normativity

DOI: 10.36871/hon.202204152

Received: September 14, 2022

Accepted: September 26, 2022

Information about the author:

Anna V. Kostina — Dr. Sci. (Philos.), Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor, Vice-Rector for Science, Education and International Affairs

akostina@mosgu.ru

ORCID: 0000-0001-6480-0611

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. Pragmatika fol'klora [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg, 2004. 312 p. (In Russian)
2. Anikin V. P. Not "Post-Folklore", but Folklore (on the question about its modern traditions). *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir [Slavic Traditional Culture and Modern World: materials of the Scientific and Practical Conference]*. Moscow, 1997, vol. 2, pp. 224–240. (In Russian)
3. Smirnova K. P., Filina E. N. (ed.) V nashu gavan' zakhodili korabli: Pesni gorodskikh dvorov i okrain [Ships Were Coming into Our Harbor: Songs of the City Yards and Suburbs]. Perm, 1995. 430 p. (In Russian)
4. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian People : in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow, 1984. 383 p. (In Russian)
5. Dandis A. Structural Typology of Indian Tales of North America. *Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora [Foreign Studies on the Folklore Semiotics]*. Digest

- of articles. Moscow, 1985, pp. 184–193. (In Russian)
6. Dzeniskevich G. I. The Bear in the Folklore of Alaska Indians. *Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and Ethnography: At the Ethnographic Origins of Folk Plots and Images]. Leningrad, 1984, pp. 16–23. (In Russian)
 7. Zlobin N. S. Kul'tura i obshchestvennyi progress [Culture and Social Progress]. Moscow, 1980. 303 p. (In Russian)
 8. Keldysh Yu. V., Levasheva O. E., Kandinsky A. I. (ed.) Istoriya russkoi muzyki [History of Russian Music : in 10 vol.]. Vol. 1. Moscow, 1983. 381 p. (In Russian)
 9. Kostina A. V. Natsional'naya kul'tura — etnicheskaya kul'tura — massovaya kul'tura: "Balans interesov" v sovremennom obshchestve [National Culture — Ethnic Culture — Mass Culture: "Balance of Interests" in Modern Society]. Moscow, 2009. 216 p. (In Russian)
 10. Kostina A. V. Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki [The Ratio of Tradition and Creativity as the Basis of Socio-Cultural Dynamics]. Moscow, 2010. 144 p. (In Russian)
 11. Kostina A. V. Modern Language: "Culture Receptacle" or a Form of Socio-Cultural Adaptation? *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2017, no. 4, pp. 81–98. (In Russian)
 12. Kostina A. V., Kozharinova A. R. Konstruktivnyi sotsial'nyi potentsial massovoi kul'tury: spetsifika proyavleniya v sovremennom obshchestve [Constructive Social Potential of Mass Culture: Specifics of Manifestation in Modern Society]. Moscow, 2015. 254 p. (In Russian)
 13. Kostina A. V., Flier A. Ya. Kul'tura: mezhdurabstvom kon'unktury, rabstvom obychaya i rabstvom statusa [Culture: between Slavery of Conjuncture, Slavery of Custom and Slavery of Status]. Moscow, 2011. 468 p. (In Russian)
 14. Kotelnikova N. E. Means of Funding a Treasure in the Russian Folk Prose. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Moscow, 2005, vol. 8, pp. 75–81. (In Russian)
 15. Levada Yu. A. Consciousness and Management in Social Processes. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1966, no. 5, pp. 62–67. (In Russian)
 16. Malinovsky B. Magiya. Nauka. Religiya [Magic. Science. Religion]. Moscow, 1998. 288 p. (In Russian)
 17. Putilov B. N. History of One Plot Riddle (epic about Mikhail Kozarin). *Voprosy fol'klora* [Questions of Folklore]. Tomsk, 1965, pp. 9–21. (In Russian)
 18. Putilov B. N. Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and Folk Culture]. Saint Petersburg, 2003. 457 p. (In Russian)
 19. Rimsky-Korsakov N. A. Sto russkikh narodnykh pesen: dlya golosa s f.-p.: soch. 24 [One Hundred Russian Folk Songs: for Voice and Piano: Op. 24]. Moscow, 1977. 224 p. (In Russian)
 20. Domanovsky L. V. et al. (ed.) Russkii sovetskii fol'klor [Russian Soviet Folklore : anthology]. Leningrad, 1967. 190 p. (In Russian)
 21. Belousov A. F. et al. (ed.) Sovremennyyi gorodskoi fol'klor [Modern Urban Folklore]. Moscow, 2003. 731 p. (In Russian)
 22. Sternin I. A. On the National Communicative Consciousness. *Lingvisticheskii vestnik* [Linguistic Bulletin]. Izhevsk, 2002, vol. 4, pp. 87–94. (In Russian)
 23. Tylor E. B. Pervobytnaya kul'tura [Primitive Culture]. Moscow, 1989. 572 p. (In Russian)
 24. Frazer D. D. Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii [The Golden Bough: a Study of Magic and Religion]. Moscow; Tver, 2006. 958 p. (In Russian)
 25. Chistov K. V. Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii [Folk Traditions and Folklore: Essays on Theory]. Leningrad, 1986. 303 p. (In Russian)
 26. Eliade M. Kosmos i istoriya [Cosmos and History]. Moscow, 1987. 311 p. (In Russian)

